

26. Mukomel' V. Migracijna polityka Rosii': postradjans'ki konteksty / V. Mukomel'. – M.: Dypol'–T, 2005. – 351 s.

27. Malynovs'ka O. A. Migracijna situacija ta migracijna polityka v Ukrai'ni / O. A. Malynovs'ka. – K.: NISD, 1997. – 69 s. (Ser. «Social'ni strategii'»; Vyp.3).

28. Malynovs'ka O. A. Migranty, migracija ta Ukrai'ns'ka derzhava: analiz upravlinnja zovnishnimy migracijamy / O. A. Malynovs'ka. – K.: Vyd-vo NADU, 2004. – 236 s.; Malynovs'ka O. A. Migracijna polityka Rosijs'koi' Federacii': suchasni pidhody j uroky dlja Ukrai'ny / O. A. Malynovs'ka // Demografija ta social'na ekonomika. – 2007. – №1. – S.50–60.

29. Malynovs'ka O. A. Upravlinnja zovnishnimy migracijamy v konteksti jevropejs'koi' integracii' Ukrai'ny: Dys.... d-ra nauk z derzh. upr.: 25.00.02 / Nacional'na akademija derzhavnogo upravlinnja pry Prezydentovi Ukrai'ny. – K., 2005. – 426 s.

30. Stadnichenko O. I. Konfliktni elementy v migracijnij sferi suchasnyh ukrai'ns'ko-rosijs'kyh mizhderzhavnyh vidnosyn / O. I. Stadnichenko // Problemy nacional'noi' bezpeky v umovah suchasnogo rozvytku Ukrai'ny. Materialy Vseukrai'ns'koi' naukovopraktychnoi' konferencii'. – K., MAUP, 2006. – S.264–270.

Kasianova M. M., PhD, the doctoral student of National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), Associate Professor at the Department of International Relations and Foreign Policy of Vasyl' Stus Donetsk National University (Ukraine, Vinnytsia), k.marina81@rambler.ru

The discourse of modern scientific research Eastern vector migration from Ukraine

Migration issues are questions of universal importance. Therefore, it requires careful analysis and synthesis of information on the current state of these important aspects of topics such as principles of national migration policies, the foundations of regulation of migration flows at the international level, working conditions and processes of adaptation of migrants abroad and so on. The result is a significant volume of scientific research, prepared by experts of political, historical, economic, legal sciences. Only their complex analysis allows you to create a holistic view of the problem, identify the necessary subjects for this study information and make informed conclusions.

Keywords: migration, migration processes, external labor migration.

* * *

УДК 327(5–191.2)

Клименко Е. Ю.,
доктор социологических наук, доцент, доцент
кафедры социологии и политологии,
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»
(Украина, Харьков), KlimenkoElens@gmail.com

ПОЛИТИКА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАСАТЕЛЬНО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

Страны Центральной Азии как транзитеры связывают Китай с Европой и находятся на пересечении двух цивилизаций – исламской и православной. Следовательно, роль русской диаспоры в указанном регионе может быть использована третьими странами для создания технологий манипуляции. Поэтому целью данной статьи является изучение политики стран Центральной Азии касательно представителей русской диаспоры.

Автор анализирует демографическую ситуацию каждой из пяти стран «шелкового пути» – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, оценивает степень влияния этнических русских на формирование внутренней политики. Для этого в статье показаны возможные риски внутреннего характера, с которыми сталкивается Центральная Азия сегодня. Раскрыта проблема усиления влияния исламского религиозного течения салафитов в Казахстане, а так же установлена их прямая взаимосвязь с политической и культурной элитой страны, а так же программами Благотворительного фонда Сорос–Казахстан, способствующих формированию толерантного отношения к представителям радикального ислама. В этой связи определяется реальная возможность создания угрозы соседствующим с Казахстаном регионам РФ – Поволжье, Уралу и Западной Сибири, однако исключительно в виде религиозных рисков внешнего характера.

Ключевые слова: Центральная Азия, диаспора, ислам, салафиты, религиозные риски, внешняя угроза.

(статья друкується мовою оригіналу)

Географическая и природная уникальность стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан) создала из региона важный стратегический узел, контроль над которым с одной стороны дает геополитические преимущества, с другой стороны создает колоссальные проблемы мирового значения. Более того очевидно, что достигнуть единства непосредственно среди лидеров стран Центральной Азии и тем самым стать самостоятельным полноценным игроком в мировых политических играх, способным конкурировать наравне с такими акулами как РФ, Китай, США, данному анклаву не удастся. В этой связи значимой является геополитическая стратегия России, для которой страны центрально-азиатского региона выступают в роли инструмента в поддержании своей гегемонии на «шелковом пути».

Страны Центральной Азии, входящие в анклав так называемого «шелкового пути», ввиду своего географического положения представляют интерес для многих международных игроков, претендующих на доминирование в геополитике – Китай, Россия и США. Подтверждением тому служит аналитический доклад «К великому океану – 3», в котором данный регион рассматривается исключительно в контексте создания некоего «экономического пояса», готового противодействовать вызовам агрессивного Запада. Однако, данную идею нельзя назвать новой.

После распада СССР, в 90-е годы один из ведущих историков А. Г. Дугин, разработал цивилизационную теорию создания «Евразии» [3, с. 2], как геополитического противовеса, ставшему одновекторным миру, основанную на культурном и религиозном многообразии. Ученый серьезно предполагал, что в данном проекте возможно получить некий «симбиоз» между двумя существующими цивилизациями – славянским православием (в рамках которого рассматривались такие страны как Россия, Беларусь, Украина, Польша, Чехия, Словакия, Сербия, Хорватия) и азиатским исламом (в частности страны «советской» Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, а по возможности – Монголия и Афганистан) [2, с. 47]. Таким образом, предполагалось за счет некоего образования «Евразия» уйти, и от биполярного, и от однополярного миров, перейдя к геополитической многовекторности. Однако, препятствием для создания столь гремучего коктейля, по мнению историков, были неровность (неоднозначность) культурных сред, что являлось серьезным препятствием интеграционным процессам. Данную концепцию можно считать одним из неудавшихся вариантов поиска путей решения проблемы политического доминирования в мире, обусловленную необходимостью преодоления на международной арене новых вызовов, появившихся после распада СССР. Хотя реальные события свидетельствуют скорее об обратном.

Целью статьи является изучение политики стран Центральной Азии касательно представителей русской диаспоры.

В 1998 г. известный писатель Чингиз Айтматов выступает инициатором создания международной общественной организации «Платформа «Диалог Евразия»,

в состав которой входят деятели культуры, писатели, журналисты, издается интеллектуально-культурный журнал «ДА». В странах Центральной Азии, основной задачей данной организации является способствование развитию образовательных программ с целью повышения качества образования и повышению общего культурного и образовательного уровня жителей региона. Со временем к программе подключились 20 стран мира, в том числе Россия, Турция, Украина. А в 2014 г. организация свернула свою деятельность, предварительно избрав своим главой украинского историка Владимира Сергейчука [6].

В 2012 г. начинает расширяться православное профессиональное пространство интересующего нас региона – Московский патриархат открывает в Средней Азии митрополичий округ и самостоятельные епархии, параллельно происходит расширение границ Таможенного союза, в который в 2015 г. входит Кыргызстан, а так же начинает действовать «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС). В то же время происходит усиление исламского влияния – всевозможные арабские фонды заходят в освободившееся от официальной государственной идеологии социокультурное пространство [4].

Таким образом, страны Центральной Азии, приобретя независимость, не только получили место в экономическом пространстве «шелкового пути», но и оказались географически зажатыми в тисках двух миров которые образно можно считать «русским» и «исламским», одинаково претендующих на исключительное доминирование в регионе. Причем, интересен тот факт, что русский протекторат имеет поддержку со стороны Китая, а вот исламский – рассчитывает на поддержку США. Исходя из экономических предпочтений, Россия и Китай имеют, безусловно, более выигрышные позиции (данный регион, является транзитным для их продукции), особенно в контексте объединения энергосистем. Однако, идеологически ислам неизбежно, что позволяет его агентам дестабилизировать ситуацию изнутри.

Ярким примером тому могут служить события июня 2016 г. в Казахстане, когда группа из 25 салафитов в течении недели напала на два оружейных магазина, воинскую часть национальной гвардии в г. Актюбинске, в результате чего погибли три военнослужащих и пять гражданских лиц, а 7 июня Нурсултан Назарбаев на 40 дней ввел «желтый» режим террористической опасности. Салафизм в Казахстане в последнее десятилетие стал набирать обороты, что связывают с падением уровня жизни. Формально он разрешен государством, однако, если в начале 2000-х большинство его приверженцев были сосредоточены в западных регионах, то сейчас отмечена тенденция к их увеличению и на востоке [5, с. 72]. Так глава Восточно-Казахстанской области Д. Ахметов констатирует, что, и в политической, и в культурной элитах страны наблюдается увеличение салафитов, а государственная политика по ограничению их влияния отсутствует. В республике работает ряд программ Благотворительного фонда Сорос–Казахстан, способствующих формированию толерантного отношения к представителям радикального ислама – «Права человека», «Публичная политика», «Медийная»,

«Молодежная» [1]. Кроме того под патронатом фонда было проведено социологическое исследование «Этно-религиозные идентификации казахстанской молодежи» в результате которого из 1404 опрошенных молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет из 14 регионов страны 71% продемонстрировал высокий уровень религиозности параллельно с низким уровнем религиозной культуры [8]. Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании благодатной почвы для распространения исламского радикализма, в случае удачного выбора пропагандистских технологий. И тогда салафизм может представлять некоторую угрозу соседствующим с Казахстаном регионам РФ – Поволжью, Уралу и Западной Сибири, однако исключительно как религиозные риски внешнего характера.

Поэтому в стратегической перспективе развития русского сепаратизма в северных и северо-западных районах Казахстана серьезной угрозы государственному суверенитету представлять не может, поскольку численность этнических русских в демографическом разрезе населения страны сократилась с 37% в 2000 г. до 23,7% в 2015 г. Хотя страна и остается самой русскоговорящей из всех представительниц Центральной Азии. Если обратиться к опыту украинского Донбасса, то для удачного исхода идеи «отделения» и дестабилизации на конкретной территории не достаточно и 48% этнически русского населения [7].

У Кыргызстане на 2016 г. из общей численности населения этнические русские составляют только 6% (360 650 человек), их опережают узбеки – 146% (878 615 человек) и являются вторым крупным этносом в стране после кыргызов – 71% (4 393 057 человек) [7]. При этом темпы миграционных процессов таковы, что через 8 лет русских в регионе не останется. Как и в Казахстане, их основная масса сконцентрирована в северной части республики – г. Бишкек и Чуйской области, в основном это люди предпенсионного и пенсионного возрастов, в силу тех или иных обстоятельств не желающие менять место жительства. В Кыргызстане официально зарегистрировано 44 общественных организации так или иначе связанных с объединением этнических русских, только половина из них работает в реальной действительности. Их условно можно поделить на активных участников социокультурной жизни страны – «Русские в Киргизии», Русский культурный центр «Гармония», «Красная гвоздика», «Православное благотворительное «Владимирское общество», «Славянский фонд в Киргизии», «Российское землячество», занимающихся просветительской работой и сохранением культурных ценностей, а так же казачьи военизированные организации, которых на сегодняшний день действует три, общей численностью до 12 тысяч человек. На политической арене нет партии, официально представляющей русских в Кыргызстане, однако есть объединение русских бизнесменов «Ассоциация гильдий соотечественников» в которую входит 150 работающих в Кыргызстане компаний, крупного и среднего бизнеса. На всем постсоветском пространстве это пока единственное объединение бизнеса, созданное по критерию этнической принадлежности. Не смотря на столь высокий уровень толерантности к русской

диаспоре, количество ее стабильно уменьшается ввиду работы миграционных программ РФ, поддерживающих соотечественников.

Узбекистан, имея определенный экономический интерес к сотрудничеству с Россией, стремится всячески поддерживать дружеские отношения, демонстрируя свои симпатии на международной арене. В стране действует 961 совместное узбекско–русское предприятие, открыты представительства 64 торговых фирм. Россия является основным торговым партнером, который экспортирует продукцию машиностроительной и химической промышленности и импортирует полезные ископаемые, текстиль, продукцию сельского хозяйства. Кроме того страны имеют общий интерес в топливно–энергетической сфере. Однако доля этнических русских, оставшихся в Узбекистане после распада СССР минимальна. В 2015 г. по данным Государственного Комитета Статистики из общей численности населения этнические русские составляют 650 000 (1,8%). Наиболее активными общественными организациями, представляющими их интересы, являются – «Корпоративный совет организаций русских соотечественников, проживающих в Узбекистане» и «Русский культурный центр Узбекистана». Приток русских в принципе возможен, поскольку в 2016 г. национальная холдинговая компания «Узбекнефтегаз» при сотрудничестве с «Лукойл» начали строительство Кандымского газоперерабатывающего комбината в Бухарской области, что не возможно без привлечения высококвалифицированных специалистов. Но вряд ли русские эксперты осядут на постоянное место жительства в стране, поскольку Межправительственное соглашение об основных направлениях развития и углубления экономического сотрудничества подписано на 2015–2019 гг., а экономическая ситуация не столь заманчивая.

Более сложные отношения к русским сложились в Таджикистане, где они составляют меньше 1% (30 000) от 8 млн. населения и Туркмении, в которой вообще нет статистики по национальным меньшинствам, и ведется жесткая ассимиляционная политика. Влияние РФ на подобные внутренние процессы в принципе невозможно, как и создание некоего этнического движения.

Следовательно, вероятность того, что РФ рискнет отстаивать территориальные притязания этнических русских в одной из стран «шелкового пути» минимальна, подтверждением чему служит полный пересмотр нормативно–правовой базы, контролирующей миграционные процессы и системы государственных служб, ее реализующей.

В начале 2014 г. ввиду выбора Россией агрессивного направления во внешней политике на Западных рубежах Главное управление Федеральной миграционной службы (УФМС) РФ разработало программу – переселение соотечественников или «возвращение домой», в рамках которой предлагалась упрощенная процедура получения гражданства мигрантам из стран постсоветского пространства (очевидно, предполагался массовый поток ищущих убежища жителей Донбасса). Однако, в первое же полугодие 2014 г., 31,3% от общего потока составили граждане Казахстана, увеличив в 1,5 раза показатель аналогичного периода 2013 г. За 2015 г. по данным

официальной статистики УФМС РФ в результате работы программы поддержки соотечественников Россией было принято 3 848 304 граждан стран Средней Азии: Казахстана – 625 161 человек; Кыргызстан – 573 097 человек; Таджикистана – 863 426 человек; Туркменистан – 24 256 человек; Узбекистана – 1,78 миллиона человек. Большинство экспертов в области миграционной политики считает, что число мигрантов увеличится в два раза после того, как будет запущена программа «рожденные в СССР», рассчитанная на предоставление гражданства РФ по установлению факта рождения в Советском Союзе [7].

Таким образом, даже придерживаясь плана создания «Евразийского» пространства Россия предусматривает возможность развития событий и несколько в ином ключе – в случае перехода стран Центральной Азии в сферу влияния «исламского» мира и отказа от дальнейшего экономического и культурного сотрудничества, ей, как исторической защитнице прав и свобод православно–славянского мира, проще приютить на своей территории мигрантов, нежели участвовать в борьбе за территории расселения этнических русских.

Список использованных источников

1. Данил Ахметов рассказал о достижениях Восточно–Казахстанской области за 25 лет независимости [Электронный ресурс] Flesh независимая газета. – Режим доступа: <http://flashpress.kz/blog/Flash-news/175168.html>
2. Дугин А. Г. Проект «Евразия». – М.: ЭКСМО–Яуза, 2004. – 208 с.
3. Дугин А. Суверенитет XXI века // Литературная газета. – 2002. – №10 (15–21 марта). – С.2.
4. Евразийский экономический союз» (ЕАЭС) [Электронный ресурс]. Официальная информация. – Режим доступа: <http://www.eaunion.org/#info>
5. Малашенко А. Из прошлого в прошлое? Фундаментализм ислама и православия // Свободная мысль. – 1993. – №14. – С.72.
6. Платформа «Диалог Евразия» [Электронный ресурс] Международная организация «Платформа «Диалог Евразия» официальный сайт. – Режим доступа: <http://dakazan.ru/>
7. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2016 год. [Электронный ресурс] Министерство внутренних дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550/>
8. Формирование этнической, религиозной и гражданской идентичности казахстанской молодежи [Электронный ресурс] Аналитическая группа «Кипр». – Режим доступа: <http://agkipr.kz/archives/932>

References

1. Danil Ahmetov rasskazal o dostizhenijah Vostochno–Kazhastanskoj oblasti za 25 let nezavisimosti [Jelektronnyj resurs] Flesh nezavisimaja gazeta. – Rezhim dostupa: <http://flashpress.kz/blog/Flash-news/175168.html>
2. Dugin A. G. Proekt «Evrzija». – M.: JeKSMO–Jauza, 2004. – 208 s.
3. Dugin A. Suverenitet XXI veka // Literaturnaja gazeta. – 2002. – №10 (15–21 marta). – S.2.
4. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz» (EAJeS) [Jelektronnyj resurs]. Oficial'naja informacija. – Rezhim dostupa: <http://www.eaunion.org/#info>
5. Malashenko A. Iz proshlogo v proshloe? Fundamentalizm islama i pravoslavija // Svobodnaja mysl'. – 1993. – №14. – S.72.
6. Platforma «Dialog Evrazija» [Jelektronnyj resurs] Mezhdunarodnaja organizacija «Platforma «Dialog Evrazija» oficial'nyj sajt. – Rezhim dostupa: <http://dakazan.ru/>
7. Svodka osnovnyh pokazatelej dejatel'nosti po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za 2016 god. [Jelektronnyj resurs] Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – Rezhim dostupa: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550/>

8. Formirovanie jetnicheskoy, religioznoj i grazhdanskoy identichnosti kazahstanskoy molodezhi [Elektronnyj resurs] Analiticheskaja grupa «Kipr». – Rezhim dostupa: <http://agkipr.kz/archives/932>

Klymenko E. U., Doctor of Sociological Science, docent, docent at the Department of Sociology and Political science National Technical University «Kharkov Polytechnic Institute» (Ukraine, Kharkiv), KlimenkoElens@gmail.com

Policy of Central Asian countries to the representatives of the Russian Diaspora

China with Europe as connectors they are at the intersection of two civilizations – Islamic and Orthodox. Therefore, the role of the Russian diaspora in this region can be used by third countries to create manipulating technologies with the aim to redistribute spheres of influence in the international arena. Therefore, the aim of this article is to study the policies of the countries of Central Asia regarding representatives of the Russian diaspora.

The author analyzes the demographic situation each of the five countries of the Silk Road – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, the author assesses the degree of influence of ethnic Russians on the formation of domestic policy. The article shows possible internal risks that Central Asia faces today. The problems of strengthening the influence of the Islamic religious movement of the Salafis in Kazakhstan is revealed, as well as their direct relationship with the political and cultural elite of the country, as well as programs of the Charitable Foundation Soros-Kazakhstan, which promote tolerance towards representatives of radical Islam. In this regard, the real possibility of creating a threat between the neighboring regions of the Russian Federation – the Volga region, the Urals and Western Siberia.

Keywords: Central Asia, Diaspora, Islam, salafis, religious risks, external threat.

Клименко О. Ю., доктор соціологічних наук, доцент, доцент кафедри соціології та політології, Національний технічний університет «Харківський політехнічний інститут» (Україна, Харків), KlimenkoElens@gmail.com

Політика країн Центральної Азії щодо представників російської діаспори

Країни Центральної Азії як транзитери пов'язують Китай з Європою та знаходяться на перехресті двох цивілізацій – ісламської й православної. Отже, роль російської діаспори в зазначеному регіоні може бути використана третіми країнами для створення технологій маніпуляції. Тому метою даної статті є вивчення політики країн Центральної Азії щодо представників російської діаспори.

Автор аналізує демографічну ситуацію кожної з п'яти країн («шовкового шляху») – Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменістан, Узбекистан, оцінює ступінь впливу етнічних росіян на формування внутрішньої політики. Для цього в статті показані можливі ризики внутрішнього характеру, з якими стикається Центральна Азія сьогодні. Розкрито проблему посилення впливу ісламської релігійної течії салафітів в Казахстані, встановлено їх прямих взаємозв'язок з політичною та культурною елітою країни, а також програмами Благодійного фонду Сорос–Казахстан, що сприяє формуванню толерантного ставлення до представників радикального ісламу. У зв'язку з цим визначається реальна можливість створення загрози сусіднім з Казахстаном регіонам РФ – Поволжжя, Уралу та Західного Сибіру, однак виключно у вигляді релігійних ризиків зовнішнього характеру.

Ключові слова: Центральна Азія, діаспора, іслам, салафіти, релігійні ризики, зовнішня загроза.

* * *

УДК 351.85

Міфтахов Б. Г.,
магістр, Інститут міжнародних відносин Київського національного університету ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ), bmiftakhov@gmail.com

ПРОГНОЗУВАННЯ РЕЗУЛЬТАТІВ ВИБОРІВ ДО БУНДЕСТАГУ У ФЕДЕРАТИВНІЙ РЕСПУБЛІЦІ НІМЕЧЧИНА НА ОСНОВІ МІСЦЕВИХ ВИБОРІВ 2017 РОКУ

Здійснено спробу спрогнозувати результати виборів до Бундестагу у Федеративній Республіці Німеччина на основі місцевих виборів 2017-го року, а також визначити основні тенденції в німецькій політиці по відношенню до України та країн Європейського Союзу. Враховуючи, що вибори в Бундестаг завершують серію виборів в Європі, саме від їх результату багато в чому буде залежати як майбутнє Європейського Союзу, так і розстановка сил в міжнародних відносинах.

Ключові слова: Німеччина, вибори, Бундестаг, популізм, ЄС, Європейський Союз, Європа.

Рішення про вихід Великої Британії з Європейського Союзу, перемога Дональда Трампа на виборах президента Сполучених Штатів Америки, ріст популярності популістських сил в Європі – це все досить сильно змінило ситуацію в міжнародних відносинах. За цей час Німеччина не лише зберегла своє лідерство в Європі, а й перетворилася в ключову країну на міжнародній арені. Саме тому від результатів виборів в Бундестаг залежить не тільки майбутнє громадян ФРН, а й доля інших країн.

Цю проблематику можна віднести до недостатньо вивчених, особливо з точки зору сучасного розвитку та перспектив. Свій внесок у розгляд теми регіональних виборів в Німеччині та їх взаємозв'язку з політичним курсом Німеччини на міжнародній арені зробили Sarah Kashuba, Detlef Bald, Rolf Clement, Dorothee de Nève, Nicolai von Ondarza та інші. Серед вітчизняних дослідників даної тематики можна виділити В. Саакова, А. Ключковича, В. Мазанова.

Мета статті – дослідити зв'язок між результатами місцевих виборів в Федеративній Республіці Німеччина та майбутніми виборами в Бундестаг.

Вибори до земельних парламентів (Ландтагів) у Федеративній Республіці Німеччина часто сприймаються як репетиція виборів до Бундестагу. І якщо у минулому році майже в усіх федеральних землях, де проходило голосування, популістська партія «Альтернатива для Німеччини» демонструвала рекордний приріст в середньому на 15–20%, а партія Ангели Меркель «Християнсько-демократичний союз» на рівні з іншими класичними партіями ФРН, таких як «Соціал-демократична партія Німеччини», втрачали від 5 до 12%, то 2017 рік показав зовсім іншу динаміку [1–2].

На цей рік в Німеччині було заплановано троє виборів в Ландтаги земель Саар, Шлезвіг–Гольштейн, Північний Рейн – Вестфалія, а також – загальнонаціональні вибори до Бундестагу. Як вже було зазначено вище, за результатами місцевих виборів часто перевіряють загальний пульс перед виборами до парламенту. На сьогоднішній день у всіх трьох вищеперерахованих землях вибори вже відбулися [3].

26 березня, на перших регіональних виборах в цьому році, «Християнсько-демократичний союз» (ХДС) Ангели Меркель упевнено отримав 40,7% голосів в Саарі і суттєво випередив своїх суперників. Другий результат у «Соціал-демократичної партії Німеччини» (СДПН) – 29,6%. Крім того, в Ландтаг землі Саар пройшли «Ліви» (12,9%) і популісти з партії «Альтернатива для Німеччини» (АДН), яких підтримало 6,2% виборців [4].

В землі Шлезвіг–Гольштейн, де вибори відбулися 7-го травня, до місцевого парламенту пройшло п'ять партій з такими результатами: ХДС – 32%; СДПН – 27,2%; «Зелені» – 12,9%; ВДП (Вільна демократична партія) – 11,5%; АДН – 5,9% [5].

Що стосується виборів до Ландтагу землі Північний Рейн – Вестфалія, то тут 14 травня обрали такі партії: ХДС – 33%; СДПН – 31,2%; ВДП (Вільна демократична партія) – 12,6%; «Зелені» – 6,4%; ВДП (Вільна демократична партія) – 11,5%; АДН – 7,4% [6].

На основі цих результатів можна зробити декілька основних висновків.